

СТАРЫЙ АРБАТ

ПРОГУЛКИ

по центру

МОСКВЫ

РЕСТОРАН
«ПРАГА»

ДОМ МАСТЕРА
И МАРГАРИТЫ

ТЕАТР ВАХТАНГОВА

ДОМ БУЛАТА
ОКУДЖАВЫ

МУЗЕЙ-КВАРТИРА
ПУШКИНА

КОММУНАЛКА
Г. ШПАЛИКОВА

И ДРУГИЕ
«ЖЕМЧУЖИНЫ»
СТАРИННОЙ УЛИЦЫ ...

АЛЕКСАНДР ВАСЬКИН

Александр Васькин

**Старый Арбат. Прогулки
по центру Москвы**

«Центрполиграф»

2023

УДК 908
ББК 63.3(2)

Васькин А. А.

Старый Арбат. Прогулки по центру Москвы / А. А. Васькин —
«Центрполиграф», 2023

ISBN 978-5-227-10110-5

Кто из нас не был на Арбате — одной из самых древних московских улиц (и не менее знаменитой!). Вот уже более пяти столетий с Арбатом связаны важнейшие события в истории нашей страны. Но Арбат — это и сама история, где каждый дом наполнен своей неповторимой атмосферой, которую нам поможет вдохнуть эта интереснейшая книга-путеводитель. Вместе с писателем и историком Александром Васькиным мы отобедаем в ресторане «Прага», приоткроем занавес Вахтанговского театра, заглянем в мемориальную квартиру Александра Пушкина, зайдем в гости в арбатскую коммуналку Геннадия Шпаликова, посетим Дом актера. А еще нас ждет встреча с Михаилом Булгаковым, Иваном Бунинным, Булатом Окуджавой, Юрием Казаковым, Анатолием Рыбаковым, Алексеем Лосевым, Юрием Любимовым и многими другими замечательными людьми, жизнь которых тесно связана с Арбатом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 908
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-227-10110-5

© Васькин А. А., 2023
© Центрполиграф, 2023

Содержание

Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Васькин Старый Арбат. Прогулки по центру Москвы

*И снова осень валит Тамерланом,
В арбатских переулках тишина,
За полустанком или за туманом
Дорога непроезжая черна.*

Анна Ахматова



© Васькин А.А., текст, 2023

© ГБУК «Государственный музей А.С. Пушкина», фото интерьеров, 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023



Самая известная улица...

Пожалуй, нет в нашей стране (да и за ее пределами) более знаменитой улицы, нежели Арбат. Известность эта особого рода, приумножалась она от столетия к столетию. Кто бы ни приезжал в Москву в разные эпохи и года, путь гостя часто лежал через Арбат. И нет ничего страшного в том, что по сию пору отсутствует единое мнение о происхождении названия улицы. А действительно: откуда оно взялось? То ли от старинной местности Орбат, простиравшейся в XVI веке между нынешними Знаменкой и Большой Никитской улицами, то ли от тюркского слова «арба» (Колымажный переулок, где когда-то была одноименная слобода с каретами да телегами – поблизости). А кому-то по сердцу и другая интересная версия: слово «Арбат» есть не что иное, как производное от арабского «рабад», то есть «пригород». Ну а мне милее такая гипотеза: «Арбат» – «горбат». Что-то в этом есть поэтичное, тем более что улица действительно не является идеально прямой, а немножко кривенькая, горбатенькая.

Столь широкий диапазон точек зрения по поводу происхождения названия лишний раз указывает нам на «старость» улицы, сумевшей за время своего существования пережить столько исторических событий, что хватит на солидную летопись. Например, при Иване Грозном в здешних местах возникла одна из первых стрелецких слобод, рядом с очерченными царем опричными землями. Появились здесь и дворцовые слободы. Значение Арбата как важной и «стратегической» местности рядом с царским Кремлем укреплялось и в XVII веке при первых самодержцах из династии Романовых. А об обитателях слобод напоминают нам сегодня названия окрестных переулков – Плотников, Староконюшенный, Серебряный, Денежный...

Кстати, еще при царе Алексее Михайловиче в 1658 году улице решили дать новое имя – Смоленская, обозначив ее географическое направление, дабы ни у кого уже не возникало вопросов, почему она так называется. Но со временем «Арбат» вновь вернулся. К счастью, уцелела улица и в прошлом веке, когда с карты словно ластиком стирали целые районы. А ведь могли и переименовать, благо что известных людей здесь всегда проживало во множестве. Была, например, такая идея: назвать Арбат улицей Веры Фигнер, пламенной революционерки, имевшей квартиру в одном из здешних домов. Слава богу, руки не дошли.

Не миновали Арбат и опустошительные пожары – неизменная часть московской истории. Так, постепенно прежняя застройка улицы уступала место более современной и модной, способствуя «ей много к украшенью», как выразился классик. Стрельцами здесь уже и не пахнет, а селится все больше знать да вельможи. Каждый новый монарх приближает к себе и новых придворных, нуждающихся в собственных усадьбах и резиденциях. А землицы-то надо много для строительства... Неудивительно, что к XVIII веку Арбат приобрел репутацию аристократического предместья Москвы, уже не первого города империи, а столицы на пенсии (что не могло не повлиять и на общую атмосферу в городе).

Очередной пожар 1812 года вновь «обновил» Арбат. Совпадение это или нет (ибо французы входили в город от Дорогомиловской заставы), но улица загорелась одной из первых: «В среду утром опять вспыхнул огонь в городе... на большой Арбатской улице по всему пути, ведущему к Смоленской заставе. Жители смотрели, как горят их дома, с полным хладнокровием, которое могло быть внушено только верой или фатализмом», – описывал происходящее 3 сентября 1812 года московский торговец и французский эмигрант Франсуа Жозеф Д'Изарн Вильфор. Вскоре после завершения Отечественной войны по плану послепожарной застройки Арбат обрядился в новые одежды. Улица украсилась в едином архитектурном стиле – аккуратными ампириными особняками в один и два этажа с обширными палисадниками и дворами.

Менялся облик Арбата параллельно с изменением социальной структуры его населения. Все меньше имен, прославившихся в былые годы, благодаря удачно пристроившимся при дворе предкам и их громким фамилиям; все больше знаменитостей – преимущественно писателей, художников, артистов, ученых. Не случайно, что именно на Арбате поселился в наем-

ной квартире Александр Пушкин в 1831 году. Ведь не на Тверской же улице он снял жилье, а именно здесь. И это что-нибудь да значит. Арбат (к концу XIX века) сыграл огромную роль в формировании нового социального слоя в России, известного нам сегодня как интеллигенция: и научная, и культурная.

С началом XX века обветшавшие ампирные особняки уступают место модерну, стилю роскоши и небоскребов. Вырастают такие дома, квартиры в которых часто сдаются в аренду за очень большие деньги, и на Арбате, составив со временем весомую часть его застройки. Начинка подобных зданий – самая что ни на есть дорогая (не каждому художнику по карману!). А на первом этаже – магазины, торгующие модным товаром и провизией, синематограф. Придирчивому вкусу богатой публики призван потрафить дорогой и престижный ресторан «Прага». И все же Арбат не стал улицей только для богатых, здесь находилось место всем.

Перевернулась арбатская жизнь вверх дном в 1917 году, и, если бы не возвращение Москве столичного статуса, неизвестно еще, как сложилась бы судьба улицы. Опять (как когда-то) вырос престиж арбатских квадратных метров. В коммуналках, устроенных в бывших доходных домах, поселился победивший (а победивший ли?) пролетариат. А в больших квартирах – новая знать, только советская. Мест всем не хватало, и началась надстройка зданий дополнительными этажами в строгом и унифицированном стиле конструктивизма (позже выросли и дома в стиле «сталинский ампи́р»). В общем, население на редкость разношерстное. Кто-то ездил на трамвае, а иные «особенные» граждане передвигались на личном авто, да еще и с солидной охраной.

Вот они-то и придали улице новое значение. Близость к Кремлю не могла не повлиять на особую обстановку на Арбате, ставшем особо охраняемой улицей, по которой ездил на дачу и обратно Иосиф Сталин сотоварищи. Выбери они себе для отдыха иное географическое направление Подмосковья, например, Балашиху или Мытищи, и режимной стала бы другая улица. Но ведь поди ж ты: очень советским вождям хотелось жить там, где еще до них обустроились дворяне да купцы – на западе Московской области. А разве плохо было бы им в Щербинке, например?

Так и возникло новое «народное» название Арбата – Военно-грузинская дорога. Кому-то оно покажется остроумным, но таких остроумцев (выскажись они вслух при свидетелях) тогда сразу же лишили бы арбатской жилплощади и свободы, отправив в места не столь отдаленные лет на десять. И ведь отправляли. Как, например, студентов Валерия Фрида, Юлия Дунского и всю их безобидную компанию, собиравшуюся в коммуналке на Арбате у одной общей знакомой. Сами-то они приходили в гости, просто так, поболтать. А взяли их в апреле 1944 года за подготовку покушения на товарища Сталина, в которого они хотели якобы бросить гранату, когда уставший после работы вождь поедет на дачу. Но как точно попасть в машину с шестого этажа, если окно выходит в переулок, а не на улицу? Следователь разъяснил: ничего, мол, попали бы, надо «бросать-то не вверх, а вниз!». Небось нормативы ГТО все сдавали? Советская молодежь – она самая спортивная! Быстрее, выше, сильнее. Кроме того, несмотря на то, что машина бронированная, «на крыше каждого лимузина есть незащищенное место». Так сказал следователь, то есть раскрыл государственную тайну. И отправили «покушавшихся» в лагерь, где сидело много интересных людей: Алексей Каплер, Ярослав Смеляков (кстати, житель Арбата!) и другие.

Опасно было и просто ходить по улице. Юрий Олеша рассказывает про послевоенные года: «Когда я хотел перейти Арбат у Арбатских ворот, чей-то голос, густо прозвучавший над моим ухом, велел мне остановиться. Я скорее понял, чем увидел, что меня остановил чин милиции.

– Остановитесь.

Я остановился. Два автомобиля, покачивая боками, катились по направлению ко мне. Нетрудно было догадаться, кто сидит в первом. Я увидел черную, как летом при закрытых

ставнях, внутренность кабины и в ней особенно яркий среди этой темноты – яркость почти спектрального распада – околывш. Через мгновение все исчезло, все двинулось своим порядком. Двинулся и я».

Охрана стояла по всей улице, через каждые десять-пятнадцать метров, в подворотнях. Их называли чисто русским словом «топтуны». Своих топтунов жители Арбата знали в лицо, ибо они стояли день-деньской, а то и ночью. Каждый на своем положенном ему месте. Идет ребенок в школу, видит – на углу топтун стоит спозаранку, возвращается обратно – тот все на посту: следит, вынюхивает. Вспоминается давнее интервью Нины Дорлиак Сигурду Шмидту от августа 1993 года: «Я помню до сих пор лицо одного топтуна – толстый, мордастый такой. Стоял у Вахтанговского...» А Шмидт ей отвечает: «Он был возрастом старше других и жирнее на вид и особенно запомнился, когда я ходил в школу». Такое не забудешь...

Музыкант Тимофей Докшицер – «золотая труба Большого театра» – вспоминал про топтунов: «У нас в театре работал скрипач Яша Шухман – весельчак и жизнелюб. Вечерами он любил играть в карты. Однажды на Старом Арбате – узкой улице, по которой по ночам проезжал кортеж машин, везущих Сталина на дачу, – Яков вышел из подъезда, улица была пустынная. Увидев фары подъезжавших машин, он поднял руку – и в ту же секунду кто-то втащил его обратно в подъезд...

Ему повезло: он остался жить и даже продолжал работать в театре, но уже никогда его не допускали к правительственным концертам, никогда он больше не получал специального вкладыша в свой театральный пропуск. Даже на панихиду по случаю похорон Сталина, которая проходила не в театре, а в Колонном зале Дома союзов, его не допустили». Двойное горе!

Какое счастье, что товарищ Хрущев ездил на дачу по другой улице – благодаря прокладке проспекта Калинина (современный Новый Арбат), уничтожившей изрядную долю исторической застройки этого старинного района...

Книга, которую вы держите в руках, не только о том давнем времени, когда от карет на Арбате было не пройти не проехать. Она и об эпохе нашего детства и молодости. Скажем так, о том, что было еще до «офонарения» Арбата. Так называл процесс превращения своей любимой улицы в прогулочную «зону» (слово-то какое!) Булат Окуджава. Первая пешеходная улица, мощенная плиткой вместо асфальта, – отнюдь не «первая ласточка перестройки», как многие полагают. Задумали ее еще в середине 1970-х годов. К Олимпиаде-80 не успели, открыли Арбат с новым лицом (фасады зданий перекрасили) аккурат к началу эпохи гласности. И как-то очень кстати.

Не все арбатские жители приняли современный облик Арбата. А работу между тем архитекторы и строители проделали огромную: «С каждым домом мы работали отдельно, нашли природные цвета и оттенки, в нашей коллекции вообще отсутствовал белый цвет. Первые этажи были окрашены более интенсивно, верхние – более расслабленно, а детали – более светлые. Вся улица стала переливаться будто перламутровая. Мы использовали московскую керамзитовую штукатурку, это уникальная технология, секреты которой знали лишь старые маляры, их мы и привлекли к работе, они работали кисточками, которые я сама покупала... Плиточки толщиной 10 сантиметров на заводе делали специально для Арбата. 25 тысяч квадратных метров такого камня мы ровняли особыми резиновыми молоточками. Причем все это клали без цемента!» – делилась впечатлениями архитектор Зоя Харитоновна.

Новый-старый «перламутровый» Арбат почти сразу превратился не только в место прогулок москвичей и гостей столицы, но и место торговли сувенирами – матрешками, шапками-ушанками, павлопосадскими платками и прочей продукцией «а-ля рус». Здесь же уличные художники за полчаса могли написать портрет любого советского гражданина, а не только члена Политбюро, ликами которых был завешан весь центр столицы в «красный день календаря». Позировать удобнее было под музыку – самодеятельных гитаристов развелось в эти годы пруд пруди. Они также заняли свое место на пешеходном Арбате...

А с началом 1990-х годов на Арбате, порою напоминавшем барахолку, все более стали укореняться новые приметы – вывески всякого рода «супермаркетов», предприятий «быстрого питания» с американскими и европейскими названиями на фасадах. И навсегда ушли из повседневной жизни «Овощи-фрукты», «Диета», «Консервы», «Молоко», «Булочная» и кафе-мороженое, прозванное студентами Щукинского училища «пылесосом» за то, что высасывало из карманов почти всю стипендию. Исчезла даже «Военная книга», несмотря на отчаянную оборону, не говоря уже об «Авторучке». До последнего держался «Букинист». Осталось все это разве что на старых черно-белых фотографиях. А еще – в книгах...

Глава 1

«Прага». Арбатский ресторан «с приветом» (№ 2)

Ресторан «Прага» – один из символов Арбата, с него и начинается старинная улочка. Но для многих москвичей это еще и приятные воспоминания. Кто-то бывал здесь на свадьбе или юбилее, проводях на пенсию (в советское время выход на пенсию отмечался торжественно – на эти деньги можно было жить) или обмывал защиту диссертации. Все это было частью повседневной жизни, в которой смешивались противоречивые чувства: и радость от купленного в кулинарии «Праги» вкуснейшего торта «Птичье молоко», и досада от потерянного в длинной очереди времени. Москвич советской эпохи не имел возможности ходить в рестораны каждый день (не по средствам!), но посетить «Прагу» в выходной было вполне по силам, особенно тем, кто жил неподалеку. Иными словами, поход в ресторан в 1950—1980-е годы сам по себе был сродни празднику.

Трудно в такое поверить, но весной 1960 года любимую москвичами «Прагу» едва не приговорили к сносу – старейший московский ресторан служил непреодолимой преградой на пути Нового Арбата, который нуждался в большой транспортной развязке с Бульварным кольцом. Вопрос рассматривался на самом высоком уровне с участием первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева и других партийных «шишек». Все происходило на Всесоюзной строительной выставке, что с начала 1930-х годов раскинулась в районе современной Фрунзенской набережной. В одном из павильонов выставки разместили огромный макет центра столицы, сюда и съехалось всесоюзное и московское начальство. О кардинальных планах переустройства Арбатской площади и прилегающих к ней кварталов докладывал Михаил Посохин – главный архитектор Москвы.



Когда-то двери в «Прагу» не закрывались...

То, что Новый Арбат пройдет через старинную застройку, безжалостно уничтожая немало ценных памятников зодчества и стерев с лица земли Собачью площадку, уже было принято за основу. Вопрос стоял о том, можно ли сохранить «Прагу». Сын Никиты Хрущева, Сергей Никитич, вспоминал, что его отец ознакомился с планами реконструкции заранее, дома: «Аргументы дорожников звучали весомо: или „Прага“, или нормальное, без заторов, движение транспорта в центре города. Я тогда не вдавался в детали, но, как все москвичи, о проекте реконструкции был наслышан. В силу своей молодости, вместе с большинством людей моего поколения я придерживался радикально-прогрессивной позиции: все отжившее свой век – на слом... Так что о „Праге“ я не сожалел, тем более что в рестораны почти не ходил и очарования „Праги“ на себе не испытал. В тот вечер отец дома рассматривал разложенные на обеденном столе чертежи, я, естественно, сунул в них свой нос. Отец не любил, чтобы ему мешали, и я молча вглядывался в квадратики, обозначающие будущие дома, параллели будущих улиц, пытался представить, как это получится на самом деле. Наконец отец оторвался от листа, неопределенно хмыкнув, начал сворачивать ватманы в трубку.

– Ну и что? – начал я разговор.

– Что – что? – пробурчал отец. – „Прагу“ придется сносить, хотя и жаль. Иначе не выходит, ты сам видел.

Голос отца звучал неуверенно. Не могу сказать, чтобы я разобрался в увиденном на чертеже, но на всякий случай согласно кивнул. „Прагу“ отец жалел. Арбат долгие годы был „правительственной“ трассой, и при Сталине бдительным охранникам, а возможно, и самому „хозяину“ вдруг вздумалось, что с веранды на крыше ресторана злоумышленник может бросить в машину вождя гранату или открыть стрельбу. Ресторан закрыли, а в его помещении разместили какую-то контору... Отец колебался, а тем временем за „Прагу“ вступился Микоян, ресторан, как и вся торговля, относился к его „епархии“. Отец в душе с ним соглашался, но логика дорожников требовала иного».

И вот теперь требовалось принять окончательное решение, последнее слово было за Никитой Сергеевичем, без которого, кажется, ни один серьезный вопрос в стране не решался, будь то посадка кукурузы в северных областях или размер ванной в панельных пятиэтажках. Все смотрели на первого секретаря, а он уставился на макет столицы. Выслушав доклад главного архитектора Москвы, поразмыслив, что-то прикинув в уме, Хрущев, наконец, изрек: «Товарищ Посохин, давайте уступим Микояну, а дорожники пусть поищут компромиссное решение». Так благополучно и была решена судьба не только «Праги», но и известного нам всем родильного дома им. Грауэрмана, в котором родились многие жители Арбата. Мы еще вернемся в «оттепельные» 1960-е, а пока...

В 1886 году в «Петербургской газете» увидел свет рассказ Антона Павловича Чехова «Юбилей», подписанный, как водится, «А. Чехонте». Причем это был именно рассказ (более известная пьеса-шутка с аналогичным названием появилась пятью годами позже). Речь в нем идет о скромном торжестве – актерская братия дает обед трагику Тигрову в честь его двадцатипятилетнего служения на артистическом поприще. Праздник начинается в гостинице «Карс», откуда наевшиеся и напившиеся артисты отправляются в ресторан «Грузия» играть на бильярде и пить пиво. «Нам бы еще в „Пррагу“ съездить... Рано еще спать! Где бы пять целковых достать?» – объявляет свое желание виновник торжества Тигров. Учитывая, что главный герой рассказа с трудом выговаривает название популярной уже в те годы среди актеров «Праги», можно себе представить, сколько пива он уже выпил.

Самому Чехову «Прага» была близка – недаром здесь отмечалась московская премьера его пьесы «Чайка» в декабре 1898 года. Тогда еще и всем известного МХАТа не существовало, а был лишь Художественно-общедоступный театр – «крохотный театрик», по свидетельствам

записных театралов. И хотя первым спектаклем театра в октябре 1898 года стала трагедия Алексея Константиновича Толстого «Царь Федор Иоаннович», но мы не погрешим против истины, если скажем, что история МХАТа началась с «Чайки». Силуэт этой красивой птицы превратился в символ театра, украшающей его занавес (как нынче выражаются, бренд).



А.П. Чехов читает «Чайку» Станиславскому и артистам МХТ. 1898 г.

Банкет по случаю премьеры «Чайки» – 17 декабря 1898 года – собрал, пожалуй, всю еще малочисленную труппу и постановщиков, Константина Станиславского (он же играл Тригорина) и Владимира Немировича-Данченко, а также исполнителей ролей: Ольгу Книппер-Чехову, игравшую Аркадину, Всеволода Мейерхольда (роль Треплева), Василия Лужского (играл Сорина), Марию Лилину (роль Маши) и других актеров. Больше всего тостов на этом торжестве поднимали за автора «Чайки».

Сам Антон Павлович в эти дни находился в Ялте. Ночью пришла телеграмма: «Из Москвы 18.12.98 в 0.50. Ялта, Чехову. Только что сыграли „Чайку“, успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом последовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные. На мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья. Все тебя крепко целуем. Напишу подробно. Немирович-Данченко, Алексеев, Мейерхольд, Вишневский, Калужский, Артем, Тихомиров, Фессинг, Книппер, Роксанова, Алексеева, Раевская, Николаева и Екатерина Немирович-Данченко». В ответ обрадованный драматург сообщал: «Москва. Немировичу-Данченко. Передайте всем: бесконечно и всей душой благодарен. Сажу в Ялте, как Дрейфус на острове Дьявола. Тоскую, что не с вами. Ваша телеграмма сделала меня здоровым и счастливым. Чехов». Мысленно труппа и драматург были вместе, а шампанского за здоровье Чехова было выпито в «Праге» немало – оно ему было ох как необходимо. Кстати, во многих книгах об Арбате утверждается, что Чехов праздновал премьеру в «Праге» – как мы теперь понимаем, это миф.



Старая афиша

Писатель и коллега Антона Чехова Игнатий Потапенко вспоминал о нем: «Он всегда говорил, что в Петербурге у него голова как-то яснее, чем в Москве. Это понятно. Когда люди спрашивают друг у друга: где мы встретимся вечером? – в Петербурге это значит: я к вам приеду или вы ко мне? Когда такой же вопрос задают в Москве, это значит: в „Эрмитаже“, в „Метрополе“, в „Праге“ или у „Яра“?» В арбатском ресторане Чехов бывал неоднократно, застав начало его расцвета. Ибо «Прага» впитала в себя все самое хорошее от популярных московских ресторанов, в чем нас уверяет Владимир Гиляровский: «Ресторан „Прага“, где Тарарыкин сумел соединить все лучшее

от „Эрмитажа“ и Тестова и даже перещеголял последнего расстегаями „пополам“ – из стерляди с осетриной. В „Праге“ были лучшие бильярды, где велась приличная игра». А стерлядь-то подавалась на дорогой посуде с золотой росписью: «Привет от Тарарыкина!» Так что ресторан был «с приветом».

Упомянутый Гиляровским Иван Тестов – хозяин трактира в Охотном Ряду и законодатель застольной моды в старой Москве, о нем я много написал в книге «Охотный Ряд и Моховая. Прогулки под стенами Кремля». Короче говоря, говорим «Тестов» – подразумеваем «Охотный Ряд». А купец Семен Петрович Тарарыкин прочно и по праву ассоциируется с «Прагой». Он-то создал ей реноме лучшего ресторана Первопрестольной, как Чехов – репертуар МХТ.

Давно уже бытует легенда о сказочном превращении «Праги» из трактира в ресторан, что очень напоминает историю про Золушку, ставшую принцессой. Стоял когда-то в начале Арбата доходный дом Веры Фирсановой, первый этаж которого занимал трактир «Прага». Мода была такая в последней трети XIX века – давать гостиницам да трактирам столичные названия – «Дрезден», «Париж», «Берлин», «Вена». Пройдись мы в те времена по Москве, и словно вся карта Европы перед нами на уличных вывесках предстает: куда глаз ни кинь, всюду иноземные

города. Так почему бы не появиться «Праге» на Арбате? Как правило, ничего общего с европейскими вкусами, кроме «столичных» названий, в таких заведениях не было.

А вот московские извозчики таким наименованием были вполне довольны: оно рифмовалось с милым их сердцу словом «брага». Нынче брагой зовут нечто непотребное, путая с банальной бормотухой. А для далеких предков наших это был любимейший алкогольный напиток. Посему откроем словарь Владимира Даля, уверяющего нас, что это «домашнее, крестьянское, корчажное пиво; хлебный напиток, иногда более похожий на квас. Брага простая, ячневая, на одних дрожжах, без хмелю; брага пьяная, хмельная, пивцо, полпивцо с хмелем, весьма разных качеств; иногда она густа, суслана (сладка) и пьяна. Овсяная брага варится из распаренного, высушенного и смолотого овса, из овсяного солода; пшенная, буза, из разварного и заквашенного пшена, иногда с медом и хмелем». Разве невкусно? Неудивительно, что трактир «Прага» приобрел у извозчиков и второе название – «Брага». А я думаю, что навеяно это было не только похожестью слов (хотя кучера да возницы ни в каких Прагах отродясь не были), но и качеством алкогольных напитков, подаваемых в сем питейном заведении.



Эх, барин, по Арбату прокачу!

История про Брагу-Прагу придумана не сегодня, и даже не вчера. В 1916 году Иван Бунин написал рассказ «Казимир Станиславович», в котором обыгрывается сия рифма. Главного героя везет извозчик – «старик, согнутый в дугу, печальный, сумрачный, глубоко погруженный в себя, в свою старость». Он поначалу не понимает, куда надо ехать, в какой именно ресторан: «А я не разобрал, думал, тебе в „Брагу"». Оказывается, что извозчик этот возит по Москве пассажиров уже пятьдесят два года. Вozил он и тогда, когда ресторан на Арбате был трактиром.



Выходя из ресторана: «Прошу садиться!»

Кормили здесь недурно, а иначе Петр Боборыкин – знаток московского хлебосольтва – не отправил бы в «Прагу» героев своего романа «Китай-город»: «Было около пяти часов утра... Стоял он на площади у въезда на Арбат, в десяти шагах от решетки Пречистенского бульвара. Фонари погасли. Он посмотрел на правый угловой дом Арбата и вспомнил, что это трактир „Прага“. Раз как-то, еще вольным слушателем, он шел с двумя приятелями по Арбату, часу в двенадцатом. И всем захотелось есть. Они поднялись в этот самый трактир, сели в угловую комнату. Кто-то из них спросил сыру „бри“. Его не оказалось, но половой вызвался достать. Принесли целый круг. Запивая пивом, они весь его съели и много смеялись. Как тогда весело было! Тогда он мечтал о кандидатском экзамене и о какой-нибудь „либеральной“ профессии, адвокатстве, писательстве... Он огляделся. Некрасива матушка-

Москва: куда ни взглянешь – все серо, грязно, запущено, тускло. Пора очищать ее, пора добираться и до ее сундуков». Боборыкин был явно равнодушен к Первопрестольной...

А хозяйка «пражского» дома Вера Ивановна Фирсанова – человек для Москвы и России знаковый, миллионерша и меценатка, из тех, что деньги свои не только с умом вкладывали, но и тратили на благие дела. Платформу Фирсановка, что ныне в черте Химок, многие дачники знают – это в честь Веры Ивановны названо. В 1869 году, когда Верочке исполнилось 7 лет, отец ее, купец 1-й гильдии Иван Григорьевич Фирсанов, вырубил здешний лес, продал его, выстроив дачи. И земля эта, и многое другое отошло в наследство любимой дочери. Только вот в личной жизни ей не повезло – сначала скупердяй достался, каких еще поискать на Руси, банковский служащий. Затем генеральский сынок, кутила и большой ходок. Вот ведь судьба русской женщины: первый муж был жмот, а второй – мот. И с обоими она развелась, заплатив им в качестве отступных по миллиону (если это и неправда, то красивая!). И пришлось отважной женщине самой взять в руки управление «активами».

Кстати, пример Веры Фирсановой далеко не единственный. Деловые женщины той эпохи как-то очень легко овладевали ситуацией, оттесняя мужчин на второй план. Взять хотя бы Варвару Морозову. А вот какой случай рассказывал потомственный почетный гражданин и промышленник Николай Александрович Варенцов про одного из купцов, Николая Ивановича Казакова, которого выставила из его собственного дома любимая супруга, урожденная Байдакова: «Произошло это так: его отец Иван Иванович купил на Арбате, в Конюшенном переулке,

землю, на которой построил отличный двухэтажный дом и подарил его сыну. Николай Иванович, пылая страстью к своей довольно миловидной жене, пожелал перевести дом на ее имя, о чем, как-то разговаривая со мной, сообщил мне. У меня невольно вырвалось изумление на такое его желание, я не удержался и сказал: „Зачем вы это хотите делать? Мало ли что может случиться в жизни! Смотрите, чтобы потом не раскаяться!“ Он обиженным голосом мне ответил: „У меня с женой ничего не может случиться! У нас все общее и нераздельное!..“ Выдворила она его из дома, как передавали мне, через полицию. После чего он переехал в дом своего брата, у которого жил до конца своей жизни, сильно пристрастившись к вину, лишившись дома и дела». Вот вам и Васса Железнова с Арбата! А вы говорите – миллион за развод...

На средства Веры Ивановны Фирсановой в Москве построены Дом для вдов и сирот в Электрическом переулке, Сандуновские бани, Петровский пассаж (его тоже прозвали Фирсановским). А Середниково, откуда до Фирсановки рукой подать (известное «лермонтовское» место Подмосковья, также купленное ее отцом в 1869 году) превратилось при радушной хозяйке в место встречи культурной общественности России. Здесь пел Федор Шаляпин, музицировал Сергей Рахманинов, творили Валентин Серов и Константин Юон. После 1917 года Вера Ивановна так бы и доживала свой век в коммуналке своего бывшего дома, если бы, благодаря Шаляпину, ей не удалось покинуть Советскую Россию. Умерла она не в Праге, а в Париже в 1934 году, в 82 года.

Хозяйкой «Праги» Вера Фирсанова-Гонецкая была по 1894 год, как следует из ежегодного справочника «Вся Москва» за этот год. Справочник издавался под разными названиями с 1872 года и очень удобен для поиска местонахождения самых разных московских организаций и даже отдельных граждан. А уже в справочнике за 1895 год ресторан числится за купцом Семеном Тарарыкиным: «Ресторан Тарарыкина в доме Гонецкой», то есть купец арендовал это здание. Самому Тарарыкину принадлежал и дом № 5 на противоположной стороне Арбата. В конце концов дом полностью перейдет к Тарарыкину.

Старомосковская легенда гласит, что купец выиграл «Прагу» в бильярд. Если это так, то именно второй муж Веры Фирсановой – игрок и офицер Алексей Гонецкий – и продул ресторан Тарарыкину в 1896 году, и не в карты, а в бильярд. Мало того, Семен Петрович играл левой рукой, что не так-то легко. Следовательно, трактир достался ему заслуженно и не случайно, и не в лотерею. Хотя в бильярд на что только не играли в прошлые века: знатные мужья ставили на кон своих молодых жен, а писатели – новые повести и романы. Чего только не случается... А пристрастие Тарарыкина к бильярду подтверждается тем фактом, что в своем ресторане он оборудовал прекрасную бильярдную, в которую съезжались игроки со всей Москвы.

Как обедали в «Праге» в начале XX века? Осталось уникальное свидетельство писательницы и драматурга Рашели Хин. Сегодня ее творчество прочно забыто, а в те времена ее литературный салон был весьма популярен в Москве. Она училась в Сорбонне, водила знакомство с Львом Толстым и Иваном Тургеневым, Густавом Флобером и Эмилем Золя. 9 февраля 1902 года Рашель Хин записала в дневнике: «...Устроили в ресторане „Прага“ обед в честь приехавших из Петербурга Михайловского, Вейнберга и Боборыкина (литераторы. – А. В.)... Собралось человек пятьдесят. Большинство друг друга не знало или знало по виду, и поэтому все избегали смотреть друг другу в лицо, косились, сталкиваясь, отворачивались, делая равнодушную мину. Знакомые разбились „по уголкам“. Приехали, наконец, „дорогие гости“. Сначала Михайловский, а за ним и Петр Дмитриевич с Вейнбергом. Их встретили, как водится, аплодисментами. Они раскланивались „улыбчиво“. Пошли закусывать – и тут уж не было „официальщины“: тыкались вилками в одно место, переливали через край рюмки; балык, семга исчезли в мгновение ока, у кого-то из жадных рук вывалилась коробка с сардинками и хлопнулась на пол. Покончив с закуской, стали рассаживаться. Места заранее не были размечены... Обеденная зала в „Праге“ похожа на гроб. Потолок низенький – совсем крышка гроба. И вот, когда все принялись за суп, водворилось такое безнадежное молчанье, что стало даже неловко,

жутко... После супа ждали, что кто-нибудь встанет и скажет „словечко“. Но никто не произнес ни одного звука, все еще глубже уткнулись в тарелки и ели с таким жаром, точно они до этого три месяца голодали. Подали разварную рыбу в каком-то пресном соусе. Съели... Подают, наконец, скверное мороженое – и в обыкновенные рюмки наливают тепловатое шампанское... (Хороша „Прага“!)... Мороженое съедено. Шампанское в рюмках выпито до последней капли».



В.Е. Маковский. В трактире. 1887 г.

Короче говоря, Боборыкину обед не понравился: он назвал его «скверным» и уехал, ни с кем не прощаясь. Оставшиеся стали судить да рядить по поводу неудавшегося банкета. Все

пришли к выводу, что подписка на обед была организована крайне неудачно: если «назначили бы по 10 рублей с персоны, было бы и вино, и шампанское настоящее, и настроение... А то за три целковых с человека вздумали принимать таких „генералов“... Словом, все были недовольны». А один из участников пиршества заметил: «Сколь печально, что русская интеллигенция не умеет отводить душу в обществе своих „властителей дум"».

Семен Тарарыкин не раз перестраивал на новый лад доставшийся ему ресторан, где обеденная зала была «похожа на гроб». В 1902 году здание преобразилось по проекту талантливого зодчего Льва Кекушева – вход в ресторан теперь устроили с Арбата. Серьезным образом изменились и его интерьеры. А в 1914–1915 годах над образом «Праги» «поработал» не менее выдающийся архитектор Адольф Эрихсон, придумав зданию необычную надстройку (по которой мы и узнаем ресторан поныне) и опять же изменив его внутреннее убранство. «Прага» славилась своими удивительными зеркалами, в которых смотрелись чуть ли не все русские литераторы первых десятилетий XX века. Осип Мандельштам, к примеру, в 1922 году вспоминал те времена, «когда половой, отраженный двойными зеркалами ресторана „Прага“, воспринимался как мистическое явление».

Что, помимо зеркал, отличало новый ресторан от конкурентов? Не только кухня, а еще и планировка залов, ибо по московским трактирным традициям большая часть столов находилась, как правило, в одном зале, и обедающие могли свободно видеть друг друга. Вот почему хозяин Большого Московского трактира в Охотном Ряду купец Карзинкин любил обедать вместе со всеми в зале – дескать, он ест из того же котла, что и все его гости, у которых не должно остаться ни малейшего сомнения в качестве кухни. Тарарыкин завел в «Праге» новый порядок: обедать и ужинать посетители могли в отдельных просторных кабинетах (число их доходило до десятка), каждый из которых имел свое, как сейчас говорят, эксклюзивное оформление. А для гурманов – пожалуйста в зимний сад!



Интерьер «Праги». Начало XX в.

Посему столько разных банкетов и прочих мероприятий (по составу их участников) прошло под сводами «Праги», что по ним можно изучать историю России соответствующего периода. Здесь, например, собирались преподаватели и профессора медицинского факультета Московского университета, исповедующие левые взгляды. Их собрания нарекли «пражским факультетом». Петербургская газета «Новое время» билась в праведном гневе: что это происходит в Московском университете? Не иначе как засилье «левых профессоров-медиков», собирающихся в «Праге» и регулярно обсуждающих в залах ресторана свои «вредные» воззрения. Послали даже запрос ректору университета Михаилу Мензбиру, тот остроумно ответил, что «ресторан „Прага“ не принадлежит к числу учебно-вспомогательных учреждений университета и что ректор не имеет никаких сведений о том, что делается в помещении этого ресторана», так описал эти события историк-медиевист Александр Савин в своем дневнике от 27 сентября 1913 года.

А в другом зале ресторана собирались московские юристы. Товарищ (то есть заместитель) прокурора Московского окружного суда Николай Чебышев вспоминал в эмиграции: «Рестораны Москвы отличались от Петербургских психологической особенностью. Мы чувствовали себя в московских ресторанах как дома. „Прага“ была нашей, прокурорского надзора, штаб-квартирой. Нас там знали, как в семье. Наши вкусы были известны». По поводу прокуроров у Константина Коровина в воспоминаниях приводится интересный анекдот: «Много неприятностей через снег выходит: люди пропадают. Генерал среди бела дня пропал. Прокурор из Окружного суда пробивался в ресторан „Прага“ пообедать – пропал, куда делся, неизвестно. Потом только открылось – волки его съели. Днем туда-сюда, а вечером волки стадами бегают, народ заедают до смерти. Я, конечно, это проглядел, но мне все это за границей прогрессисты рассказали. Я что-то таких снегов не помню». Художник (и замечательный рассказчик) Константин Коровин иронизирует по поводу ходивших в те годы разговоров о невообразимо снежных московских зимах, во время которых по городу, словно по лесу, слоняются волки.

Хорошо знакомы официантам «Праги» были и вкусы офицеров штаба Московского военного округа, также избравших ресторан местом своих встреч. Однажды с офицерами за одним столом оказался Иван Бунин. «Рядом два офицера, – недавние штатские, – один со страшными бровными дугами. Под хаки корсет. Широкие, колоколом штаны, тончайшие в коленках. Золотой портсигар с кнопкой, что-то вроде жидкого рубина. Монокль. Маленькие, глубокие глазки. Лба нет – сразу назад от раздутых бровных дуг» (запись в дневнике от 9 мая 1915 года). И тут же Иван Алексеевич отмечает интересную особенность: «У метрдотелей от быстрой походки голова всегда назад».

В «Праге» отмечали избрание Бунина в академики: «Бунин увенчан не впервые. Трижды он получал в России Пушкинскую премию. 1 ноября 1909 г. был избран академиком по разряду изящной словесности (в заседании Академии, посвященном Кольцову). Ясно помню тот день, вечер в московском ресторане „Прага“, где мы в малом кругу праздновали избрание Ивана Алексеевича академиком, „бессмертным“... Вряд ли и он забыл ноябрьскую Москву, Арбат. Могли ли мы думать тогда, что через четверть века будем на чужой земле справлять торжество беспредельно-большее – не гражданами великой России, а безродными изгнанниками?» – вспоминал Борис Зайцев в эмиграции в 1933 году, когда Бунина удостоили Нобелевской премии. В Париже у русских эмигрантов тоже была своя «Прага»: «Представь, такой здесь ресторанчик. Но до нашей далеко» (из письма Зайцева Бунину от 17 января 1940 года).

У Бунина «Прага» – место действия его рассказов. Это и «Чистый понедельник», куда герой возит чуть ли не каждый вечер обедать свою даму, и «Муза», и «Речной трактир»: «В „Праге“ сверкали люстры, играл среди обеденного шума и говора струнный португальский оркестр, не было ни одного свободного места. Я постоял, оглядываясь, и уже хотел уходить, как увидел знакомого военного доктора, который тотчас пригласил меня к своему столику возле

окна, открытого на весеннюю теплую ночь, на гремящий трамваями Арбат. Пообедали вместе, порядочно выпив водки и кахетинского, разговаривая о недавно созданной Государственной думе, спросили кофе...» А в «Окаянных днях» читаем»: «Весна семнадцатого года. Ресторан „Прага“, музыка, людно, носятся половые. Вино запрещено, но почти все пьяны. Музыка сладко режет внутри...»

Заходил в ресторан Иван Бунин неоднократно: «Завтрак с Ильей Толстым в „Праге“» (запись от 29 января 1915 года). Илья Толстой – сын автора «Анны Карениной». Часто пишут, что сам Лев Николаевич Толстой читал на публику в «Праге» роман «Воскресение», но я сему факту подтверждения не нашел. Роман был опубликован в 1899 году, однако в жизнеописании писателя за эти годы название ресторана не встречается. А супруга Толстого Софья Андреевна в «Праге» бывала: «Обедали мы в ресторане „Прага“, пришел к нам Илюша (сын. – А. В.) на короткое время...», – сообщала она мужу 9 января 1904 года.

А вот чье появление в «Праге» запомнилось очевидцам, так это Леонида Андреева. Борис Зайцев вспоминал: «Слава же его тут-то и развернулась. Художественный театр, альманахи „Шиповника“, лекции, диспуты. Поклонники, поклонницы. Раз входили мы с ним в ресторан „Прага“ – румынский оркестр в честь его заиграл вальс из „Жизни человека“. Вся зала поднялась, аплодируя. Как будто в те годы (1907–1910) затмил он даже бывшего своего покровителя и наставника Горького». Имеется в виду популярная пьеса Андреева «Жизнь человека» 1907 года. Триумф оказался коротким: как метко выразился Зайцев, вскоре слава от Леонида Андреева «спряталась», его перестали называть новым Достоевским и Шекспиром. И румынский оркестр уже не играл в «Праге» вальс при появлении писателя.

Встреча Нового года состоятельными москвичами также проходила в «Праге». Особенно ярко и пышно проходили эти праздники перед русско-японской войной. Николай Варенцов свидетельствует: «Встреча Нового, 1904 года была особенно весела. Кого бы я ни спросил из своих знакомых, как встречали Новый год, от всех получал ответ: „Весело!“ Многие устраивали у себя балы, костюмированные вечера, но большинство заранее записывались на столики в ресторанах, спеша занять в них лучшие места. Рестораны „Метрополь“, „Прага“, „Эрмитаж“, „Яр“, „Стрельна“ – все были переполнены публикой до отказа с 11 часов вечера разряженными дамами, усыпанными бриллиантами, мехами, цветами; мужчинами во фраках. В 12 часов вся публика, стоя, подняв бокалы с шампанским, чокалась, и кругом только было слышно: „С Новым годом, с новым счастьем!“ Шампанское лилось, с выпитием неисчислимого количества бутылок, на радость французским виноделам. Были все довольны встречей Нового года и проведенным временем. Вернувшись домой, ложась в кровать, думали: этот год, наверное, принесет нам более счастья. Но, как говорят, „человек предполагает, а Бог располагает“! Так и случилось в этом 1904 году: вместо еще большего счастья получилось большое неожиданное горе».



Так выглядела «Прага» на дореволюционной открытке

Доказательством высокого уровня ресторанной кухни было то, что блюда из «Праги» доставляли на дом под заказ на крупные семейные торжества, собиравшие уйму гостей. Это считалось большим шиком. «Незадолго до последней войны, – рассказывал купец Павел Афанасьевич Бурышкин, – в некоторых домах московских снобов, на больших приемах, когда ужин готовил... [ресторан] „Прага“, завели обычай давать карточку. Ужинавший мог заказать, что угодно. Старые любители покушать строго осуждали это нововведение. „Если ты меня зовешь и хочешь приветствовать, – говорили они, – то избавь меня от заботы думать, чего бы вкусного я бы съел. А в трактир я и сам могу пойти – денег хватит“». Бурышкин приводит этот эпизод, желая доказать, что «пресловутое, легендарное московское хлебосольство состояло не в роскоши застольной трапезы. Оно выражалось в умении хозяина составить программу обеда и в способности создать приятную для приглашенных обстановку». И в этом видится проявление глубокого уважения к гостям.

В 1917 году история дореволюционной «Праги» закончилась. И дело даже не в том, что в ресторане в октябрьские дни устроили склад боеприпасов. Адвокаты и офицеры уступили место рабочим и солдатам, столовавшимся здесь в голодные годы Гражданской войны. Впрочем, было бы странным, если бы «Прага» не помогла выжить и людям творческим, благодаря которым столики в ресторане никогда не пустовали. В бытовых записях Марины Цветаевой 1919–1920 годов находим: «В детский сад – Старо-Конюшенным на Пречистенку (за усиленным), оттуда в Пражскую столовую (на карточку от сапожников), из Пражской (советской) к бывшему Генералову – не дадут ли хлеб». Попробуй-ка ныне разбери, о чем пишет Марина Ивановна, но мы попытаемся. «Усиленный» – означает академический паек, который представителям московской творческой интеллигенции выдавали в ЦЕКУБУ – Центральной комиссии по улучшению быта ученых на Пречистенке («Здесь Цекубу, здесь леший бродит, русалка на пайке сидит» – стишок тех времен). «Пражская столовая» Моссельпрома и находилась в бывшем ресторане «Прага». Бывший гастронóm Генералова, где давали хлеб по карточкам, находился в тоже бывшем доме страхового общества «Россия» на Лубянской площади.

Нас, конечно, заинтересовали сапожники. При чем здесь они? В то время «Прага» была уже национализирована и превращена в столовую, где по карточкам кормили победивший про-

летариат, в частности, представителей профсоюза сапожников. Чудесным образом карточка досталась и Марине Цветаевой: «Живу с Алей и Ириной (Але 6 л<ет>, Ирине 2 г<ода> 7 м<е-сяцев>) в Борисоглебском переулке, против двух деревьев, в чердачной комнате, бывшей Сережиной. Муки нет, хлеба нет, под письменным столом фунтов 12 картофеля, остаток от пуда, „одолженного“ соседями – весь запас!.. Живу даровыми обедами (детскими). Жена сапожника Гранского – худая, темноглазая, с красивым страдальческим лицом – мать пятерых детей – недавно прислала мне через свою старшую девочку карточку на обед (одна из ее девочек уехала в колонию) и „пышечку“ для Али...» Вот вам и разгадка.

А жила Марина Ивановна очень тяжело и голодно – есть было нечего. Жуткое впечатление производил московский дом поэтессы в Борисоглебском переулке, куда писатель Борис Зайцев как-то привез на салазках дрова: «Квартира немалая, так расположена, что средняя комната, некогда столовая, освещается окном в потолке, боковых нет. Проходя по ледяным комнатам с намерзшим в углах снегом, стучу в знакомую дверь, грохочу на пол охапку дров – картина обычная: посредине стол, над ним даже днем зажжено электричество, за ним в шубке Марина со своими серыми, нервно-мигающими глазами: пишет. У стены, на постели, никогда не убираемой, под всякою теплой рванью Аля. Видна голова и огромные на ней глаза, серые, как у матери, но слегка выпуклые, точно не помещающиеся в орбитах. Лицо несколько опухшее: едят они изредка». Маленькая дочь поэтессы Аля очень боялась крыс, что залезали на ее кровать, – грызунам нулевая температура в доме была нипочем. Цветаева и в мирное-то время была безалаберна в быту (свойство многих творческих людей!), а тут разруха – хоть ложись да помирай. В самом деле, трудно представить ее, выходящей ночью воровать заборы, – этим занимались тогда многие москвичи, искавшие, чем бы еще растопить печь.

А карточки из «Пражской столовой» помогли Марине Ивановне и детям: «Оттуда – по черной лестнице, обвешанная кувшинами, судками и жестянками – ни пальца свободного! и еще ужас: не вывалилась ли из корзиночки сумка с карточками?! – по черной лестнице – домой. Сразу к печке. Угли еще тлеют. Раздуваю. Разогреваю. Все обеды – в одну кастрюльку: суп вроде каши... Кормлю и укладываю Ирину... Кипячу кофе. Пью. Курю... В 10 часов день кончен. Иногда пилю и рублю на завтра. В 11 часов или в 12 часов я тоже в постель. Счастлива лампочкой у самой подушки, тишиной, тетрадкой, папиросой, иногда – хлебом...» А мы не перестаем удивляться тому, как причудливо пересекаются в судьбе Цветаевой две Праги: бывший ресторан и чешская столица, с которой у поэтессы так много связано.

Сегодня на другой стороне Арбатской площади стоит знаменитый дом, раскрашенный, как и в те далекие времена, аршинными буквами, составляющими слово «Моссельпром». К рекламе этой советской организации имеют прямое отношение Владимир Маяковский и Александр Родченко, собственно, по этой причине оно нам сегодня и интересно. А расшифровывается Моссельпром довольно скучно – Московское губернское объединение предприятий по переработке продуктов сельскохозяйственной промышленности. Существовал Моссельпром в 1922–1937 годах, а в «Праге» была столовая для его сотрудников. Маяковский воспел столовую в стихах, где упомянуты многие его собратья по перу:

В других столовых
люди – тени.
Лишь в «Моссельпроме»
сытен кус.
Там —
и на кухне
и на сцене
здоровый обнаружен вкус.
Там пиво светло,

блюда полны,
там —
лишь пробьет обеда час —
вскипают вдохновенья волны,
по площади Арбатской мчась.
Там —
на неведомых дорожках
следы невиданных зверей,
там все писатели
на ножках
стоят,
дежуря у дверей.
Там чудеса,
там Родов
бродит,
Есенин на заре сидит,
и сообща они находят
приют, и ужин, и кредит.
Там пылом выпранным охвачен,
грозясь Лелевичу-врагу,
пред представителем рабфачьим
Пильняк внедряется
в рагу...
Поэт, художник или трагик,
забудь о днях тяжелых бед.
У «Моссельпрома»,
в бывшей «Праге»,
тебе готовится обед.

А вот еще один образец социальной рекламы:

Где провести сегодня вечер?
Где назначить с приятелем встречу?
Решенья вопросов
не может быть проще:
«Все дороги ведут...»
на Арбатскую площадь.
Здоровье и радость —
высшие блага —
в столовой «Моссельпрома»
(бывшая «Прага»).

Там весело, чисто,
светло, уютно,
обеда вкусны,
пиво не мутно.

Там люди
различных фронтов искусств
вдруг обнаруживают
общий вкус.

Враги
друг на друга смотрят ласково —
от Мейерхольда
до Станиславского.
Там,
если придется рядом сесть,
Маяковский Толстого
не станет есть.
А оба
заказывают бефстроганов
(не тронув Петра Семеныча Когана).
Глядя на это с усмешкой, —
и ты там
весь проникаешься аппетитом.
А видя,
как мал поразительно счет,
требуешь пищи
еще и еще.
Все, кто здоров,
весел
и ловок,
не посещают других столовок.
Черта ли с пищей
возиться дома,
если дешевле
у «Моссельпрома»...

Неудивительно, что Илья Ильф и Евгений Петров, также обедавшие в этой столовой, отправили сюда же своих героев – Ипполита Матвеевича и Лизу из романа «Двенадцать стульев». Для Воробьянинова тот романтический ужин закончился печально, но могло быть и еще хуже, ибо обстановка в «Праге» изменилась в новые времена радикально. Работавший в Историческом музее нумизмат Алексей Васильевич Орешников обедал здесь. «Проехали в ресторан „Прага“, где съели 2 обеда по 90 копеек. Приготовлено вкусно, но сам ресторан скромнее прежнего, скатертей нет, за некоторыми столами „товарищи“ сидят в шапках или картузах», – читаем в дневнике от 19 ноября 1925 года. Отсутствие скатертей на столах – деталь чрезвычайно интересная. Надо думать, что и посуда была попроще, чтобы не раздражать новый контингент. Попадись под горячую руку обедающим «товарищам» отец русской демократии с его неуместными призывами поехать «в номера», и неизвестно, куда бы его после этого отправили.

В 1920-е годы не раз видели в «Праге» Сергея Есенина и частенько с пустыми карманами: «При мне однажды в „Праге“ у Есенина не хватило пятидесяти рублей на уплату по счету. И сейчас же из-за соседнего столика поднялся совершенно незнакомый нам гражданин и вручил эту сумму Есенину. Стоило ему при каких-нибудь затруднительных обстоятельствах назвать себя: „Я – Есенин“, как сейчас же кем-нибудь из публики оказывалась ему необходимая помощь», – рассказывал журналист Лев Повицкий, которого поэт именовал «старинным другом».



М.А. Булгаков

Не очень приятным вышел обед в «Праге» для Михаила Булгакова. «Как-то мы с Михаилом Афанасьевичем, – рассказывала Екатерина Шереметьева, – долго бродили по Москве, подошли к Арбатской площади, и он предложил пообедать в ресторане „Прага“ на углу Арбата и Поварской (улицы Воровского). К концу обеда мы поспорили о заметке в газете, смысл которой поняли по-разному. Чтобы разрешить спор, Михаил Афанасьевич пошел купить газету в киоске внизу. Официант, видимо встревоженный исчезновением моего спутника, топтался вблизи нашего столика. Я попросила его получить за обед и заплатила. Я ожидала, что Михаил

Афанасьевич обидится, но не так... Он показался в дверях, я пошла ему навстречу, официант уже собирал посуду на столе. Булгаков понял, что за обед заплачено. Лицо его мгновенно осунулось, во взгляде было возмущение и отстраняющий холод. Он спросил только: „Зачем?“ Я совершенно растерялась, не помню, что говорила, не знала, как исправить, загладить свою бестактность, Булгаков не сразу простил мне ее». Случай этот относится к самому началу 1930-х годов. В романе «Мастер и Маргарита» упоминается «ресторан на Арбате» – это, несомненно, «Прага».

А поэт Павел Николаевич Васильев в 1934 году однажды пришел в «Прагу» покушать на веранде ресторана. Вероятно, что не обошлось без возлияний, ибо заказанную яичницу он не съел, а, даже не попробовав, вывалил из сковородки на голову своего коллеги и однофамильца Сергея Александровича Васильева, которого, мягко говоря, недолюбливал. Как свидетельствовали очевидцы, яичница была немаленькая – на нее ушел десяток желтков. Но для однофамильца, которого Павел Васильев не раз просил, чтобы тот взял псевдоним, ничего не жалко. При этом Павел Васильев изрек: «Не позорь фамилию Васильевых!» Дальше все развивалось по сценарию: «Сергей скатертью обтирает лицо и голову, соображает, в чем дело, и набрасывается, как тигр, на Павла. Начинается драка. Столики летят в разные стороны, бьется посуда, посетители убегают к дверям, появляется милиция» – так вспоминала вдова Павла Васильева. Почему вдова? Так его же расстреляли в 1937 году, и «проблема» решилась сама собой: Васильев остался только один. А конфликт в «Праге» закончился в отделении милиции.

В том же 1937 году расстреляли и Николая Зарудина – поэта, прозаика, лидера литературной группы «Перевал». Зарудин посвятил Арбату двадцатых годов интереснейший очерк – «Старина Арбат», в котором нашлось место и бывшему ресторану: «„Прага“ тогда переживала расцвет. Электрическое имя „Праги“ горело над полночной площадью, тогда еще с садиком, с памятным диском желто-лунных часов. Душно было на Арбатской площади – булыжной, запруженной вечно трамваями, похожей скорее на тесный домовый двор. Две церкви стояли на ней – Бориса и Глеба и еще одна, где нынче вырастает станция метро. Но с площади – в скуке бездарных низких домов – сквозила уходящая бульварным спуском, городская смутная даль: вниз по Гоголевскому бульвару, еще черно-лесному, но уже в мириадах ярко-зеленых точек – туда стекал поток деревьев, – в туман беспорядочно нагроможденных цветных крыш. Теперь изменилась и самая даль. Изменилась и „Прага“. Но в двадцать пятом ею по праву открывался шумный торговый Арбат».

А в «Праге» устроили аукцион: «„Прага“ и магазинный Арбат... шумели по-купечески и торговали разнообразно – винами, всяческой снедью, галантереей и обувью, аптекарскими товарами, мебелью, был даже свой оружейник – некто Салищев, его помнят арбатские охотники и собачники. Нэповская „Прага“ орала цыганами. Внизу, в помещении аукционного зала и одновременно кинематографа, продавали с молотка царское и княжеское имущество, простыни в самодержавных монограммах, судки и бокалы с коронами, сервизы. Продавали купеческие меха с Поварской, мебель красного дерева с Остоженки, Воздвиженки, со всяких Николо-переулочков и тупичков, с Сивцева Вражка. Шли тут всякие бисерные вышивки, гобелены и редкие парчи, вазы и лампы, ампиры Александра, настоящие Павлы и Елизаветы и прочая, прочая. Вечером среди аукционного нагромождения, среди картин Айвазовского и профессора Клевера, разглядывая посуду и ковры, ожидали киносенсаций. А наверху начиналась особая, плотно прикрытая портьерами жизнь. Туда проходили позже, опытно кидая швейцарам пальто и шляпы, и кто может разгадать, сколько концов всяческих драм и падений поднялось по лестнице в яркий свет, в визг цыганского пения, в шум и звон, в туманный дым папирос. Опускалась ночь. Но ярко сияли огни „Праги“ до утренних сумерек. Кто помнит инвалидов, торговавших тогда папиросами под рестораном „Прага“? А моссельпромщицы в белых фартуках и картузах с золотыми буквами и прямым козырьком? Наступала глухая ночь. Когда

смолкал трамвайный звон, когда в переулках под старинным газовым светом гулко исчезали последние шаги, „Прага“ выкидывала накипь свою прямо на тротуар...»

И хотя тем местом, где проводился аукцион по продаже стульев Кисы Воробьянинова, называют Петровский пассаж, охотно верится, что гарнитур мог уйти с молотка и в бывшей «Праге».

Если бы Иван Бунин или Борис Зайцев заглянули в «Прагу» в 1920-е годы, то были бы немало поражены увиденным. Словно в русской народной сказке про теремок, в бывшем ресторане нашлось место самым разным «жильцам». Чего только не было в этом доме, благо что площадь и планировка его позволяли разместить под крышей «Праги» все, что угодно. Например, в середине 1920-х годов нашлось место даже библиотеке, которая работала здесь лет тридцать, в том числе и во время войны. Первоначально она называлась «Центральная публичная библиотека г. Москвы», в 1946 году она получила имя поэта Николая Некрасова. Одним из читателей библиотеки в непростые военные годы был будущий писатель Юрий Казаков: «Моя охота началась тридцать лет назад на Арбате, в здании нынешнего ресторана „Прага“ – тогда дом этот был набит всевозможными учреждениями, от милиции до собеса, – в читальном зале библиотеки. В детстве мне не повезло в том смысле, что близких родных, к которым бы я мог поехать в деревню, у меня не было, каникулы я проводил на арбатских дворах, природы и в глаза не видал и не думал о ней... Тем удивительнее теперь кажется мне величайшая страсть, которая овладела вдруг мною в темной, холодной и голодной Москве. С чего бы вдруг? И до чтения ли было тогда мне? Но ежедневно, покачиваясь иногда от слабости, брел я к вечеру в читальный зал и сидел там до закрытия, набирая каждый раз гору книжек про охоту. До сих пор помню запах этих книг, шрифт, рисунки, чертежи, описания птиц и зверей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.